

The background of the cover is a photograph of a woman with long, wavy brown hair, seen from behind. She is wearing a long, dark green dress with a white, bell-shaped sleeve on her right arm. She holds a long, thin, dark stick or staff in her right hand. She stands on a rocky, grassy hillside, looking out over a vast, hazy landscape under a warm, orange-gold sky, suggesting a sunset or sunrise. The overall mood is contemplative and nostalgic.

Роман Ударцев

ЧУЖИЕ
ДЕТИ

сборник лирических
рассказов

16+

Роман Сергеевич Ударцев

Чужие дети. Сборник лирических рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42875720

SelfPub; 2019

Аннотация

Рассказы: о смешном и грустном, о любви и ненависти, о чертях и инопланетянах... о нас самих в общем-то.

Изображение для обложки взято с бесплатного сайта Пиксабайт: <https://pixabay.com/ru/photos/женщина-гора-ве-чернее-солнце-пейзаж-4123254/>

Артус.

Артус смотрел на картину и злился. Нет, ну просто свинство опять посылать его в этот долбаный музей. Неужели люди разучились предаваться любви в нормальных местах, задавал себе вопрос амур. Можно ведь влюбиться в трактире, в поле, даже в грохочущем поезде метрополитена. Нет, вот тащатся в музеи. Пузатый розовый идиот на картине, слащаво улыбался и целился из игрушечного лука. Некоторые их называли херувимами. Интересно, подумал ангел, если художник увидит настоящего херувима, он сразу дуба даст или просто заикаться будет до конца жизни?

Амур потер щетину и отвернулся от полотна. Ангел любви огляделся. Его он увидел, но где же носит ее? Ладно, думал сутулый здоровяк, в котором даже под ЛСД никто бы не признал амура, пока подготовим клиента, а там глядишь и дама прискачет. Никакого лука, разумеется, не было и в помине. Ангельское оружие таких мощностей, что от выстрела от влюбленных останется атомарный пепел, а заодно от трех-пяти окружающих кварталов. Артус посмотрел на душу мужчины, так и есть, малость расстроены струны. Вот чуть-чуть милосердие подкрутим, верность подтянем и чуть

ослабим самовлюбленность.

Амур попробовал струны. Пока не очень запела душа, ну хоть тоскливое настроение у клиента пропало, уже плюс. Стоит расслабить трудолюбие, а то этот балбес на свидании о работе думает и прибавить здорового пофигизма. Еще одна проба. Артус хмыкнул. Не идеально, но уже лучше.

Мужик мял в узловатых пальцах букет и посматривал на часы. Нервничал. Амур ухмыльнулся. Ну когда это видано чтобы женщина пришла на свидание вовремя? Расслабся парень. Еще коснуться колков и клиент почти готов. Вообще Артус не любил работать с женатиками. Люди почему-то думают, что амур шарахнул стрелу, влюбил в друг друга и свалил по своим делам. Ага, сейчас! С каждой парочкой приходится работать до гроба и попробуй хоть немного ошибись – сразу развод и "по-шапке" от начальства. Да и самому неприятно, тащишь людей к семейному счастью и благополучию, отвернешься на секунду, а бесы их уже волокут на развод подавать.

Бесов Артус не любил еще больше чем картины с пухлыми амурами. К сожалению эта мелкая сволочь обладала большим проворством и поймать пакостника было проблематично. Вот и сейчас ангел любви исправлял вред, что нанесла семье Грушевых оседлавшая подружку жены нечисть. Главное

вовремя спохватился. Романтическое свидание, ужин и так далее по списку. Ничего, подбадривал мысленно себя и клиента Артус, мы раскочегарим угольки любви, что притухли под пеплом пятилетнего быта. Костер устроим! Печь марте-новскую!

Однако мадам заставляет себя ждать. Наконец на лестнице появилась высокая прическа и только спустя пару секунд миссис Грушева. Арус тяжело вздохнул и принялся крутить настройки восприятия у мужа. Ну знает же она мужа как облупленного и знает что он терпеть не может такие "ирокезы" от салонов красоты. Лучше бы нечесанная пришла... Эх, женское упрямство.

С женщиной работы было куда больше чем с мужиком. Ее душа была расстроена как пианино в сельском клубе. Тут и агрессивное ожидание пакости от мужа и заготовленные колкости из "Дома 2" и душераздирающие куски бредовых историй из ток-шоу. Артус решил сшелмовать и применил вульгарный телекинез. Мадам Грушева несущаяся как боевой крейсер на беззащитный хоть и здоровый грузовоз мужа, на последней ступеньке оступилась и полетела на пол. Некрасиво. Кто-то хихикнул. Муж кинулся поднимать жену, привычно, как он это делал на протяжении пяти лет, заслоняя ее от жесткого мира.

Потери гордости в падении было куда больше чем физического ущерба. В планы амура не входило продолжать их свидание в травмопункте. Главное что боевой настрой слетел с Грушевой, как и требовалось ангелу.

– Ты не ушиблась, солнышко? – озабоченно спросил муж.

– Нет, все в порядке. – жена забыла что собиралась устроить разборки с швырянием букета и публичной истерикой.

Чтобы не смущать благоверную муж повел ее в следующий выставочный зал. Тут амуру было легче, никакого Боттичелли, старорусские иконы, строгие и без голозадых младенцев. Артус кивнул Николаю Чудотворцу и еще паре-другой знакомых. По углам зала стояли лавки, прялки и колыбели. Все это наводило его протеже на мысли о патриархальном "идеальном" прошлом, что ангелу и требовалось. Мадам Грушева взяла мужа подруку и намеренно прихрамывала. Мужчина не очень разбирался, да и, чего греха таить, любил живопись. Но жену он любил и ради нее готов был пару часов рассматривать совсем не те картинки что печатают в автомобильных журналах.

Тут главное не переиграть с жертвенностью, чтобы "согласен ради любимой жены" не превратилось "нафига мне надо здесь таскаться". Так что через час с четвертью, стараниями

амура у жены разболелась лодыжка.

– Дорогой, – взмолилась она – давай где-нибудь передохнем. У меня нога болит.

– Конечно, милая, – изо всех сил скрывая радость, ответил муж – я тут случайно за углом кафешку увидел, пойдем туда.

Как же, случайно, хмыкнул амур, я тут неделю место подбирал. Даже повару мозги пришлось запудрить, чтобы вместо телячьих почек, которые супруги терпеть не могли, он приготовил индюшиные отбивные для него и салат из морепродуктов для нее. Плотный обед и от раздражения мужа о потраченном в музее времени, не осталось и следа. Официантки к удовольствию жены были некрасивы. Знала бы она как грипп косит симпатичных официанток, если это приспичит ангелу любви. Живая группа с новомодными песнями должна была подтянуться к вечеру, когда по планам амура его протеже уже давно покинут заведение, а сейчас играл легкий джаз в записи. То что нужно.

С новыми парочками, на первом свидании, амур не считал лишним добавить чуть-чуть вина. Но не в этом случае. Пусть разберутся сами, чтобы не списывать страть на случай и хмель. Все шло как по маслу. Артус пристроился в углу

и потягивал крепкий чай. Еще немного и можно их отправлять домой. И тут черт принес проблему.

Проблемой была та самая подружка. Одинокая, без вариантов найти мужика и от того завидующая любой замужней женщине. Вместо того чтобы изменить характер, она все дальше погрязала в зависти и феминизме, пока не открыла душу для беса. Этот самый бес и сидел у нее сейчас на плече. Как обезьянка на плече фотографа. Если только бывают обезьяны у которых, со всех сторон торчат клыки. Артус помянул Лилит, мать всех бесов, неприличным словом. Принесло конкурирующую фирму, ети их на лево.

Ну уж нет, взъярился ангел, я не дам этой нечисти пустить прахом свой пятилетний труд. Он легко поднялся, принимая облик временами успешного бизнесмена сорока лет. Быстро, пока подруга, подстегиваемая бесом, не увидела клиентов, пошел на встречу:

– Жанночка! Свет очей моих! – он нарисовал на лице самую искреннюю радость – Сколько лет, сколько зим! – женщина растерянно смотрела не него и отчаянно пыталась вспомнить того, кого никогда в жизни не видела. Из двух-трех знакомых в памяти сформировался псевдообраз. Ангел не собирался ставить ее в неловкое положение и добавил. – Николай, ты же узнаешь меня?

Николаев по-счастью в жизни Жанны было много и она позволила памяти обмануть себя. Артус подхватил ее под локоток и повел в другой зал. По пути мельком оглянулся. Клиенты были в порядке. Души настроены и пели в унисон. Опасность миновала и теперь они сами довершат восстановление семьи. Ну что же, улыбнулся совершенно искренне амур, совет вам, да любовь.

Оставался вопрос, что делать с Жанной. Впрочем, для амура с трехтысячелетним стажем это было не слишком сложной задачей. Легкий ужин, ничего незначащая болтовня, в которой он позволил женщине говорить, сам лишь изредка вставляя фразы и проявляя искренний интерес. Потом танец. Никаких фривольностей, вполне культурно и без лапаний. Лишь на секунду он провел рукой по ее плечу. Мимолетное движение почти незаметное для человека. Хотя в этот момент он схватил визжащего беса. Пока они возвращались к столику, так же незаметно для людей, он открыл портал и скинул это отродье тьмы в Тартар.

Жанна расслабилась без безумной макаки на плечах и уже весело смеялась над его незатейливыми шутками. Ангел поглядывал по сторонам и увидел того, кого искал. Юрий Басов решил сегодня напиться в одиночестве. К друзьям его не тянуло, дома было пусто, а с проститутками он дело не имел.

Все-таки главному программисту крупной фирмы не к лицу таскаться с продажными. Было скучно, он стоял с бокалом у стойки и лениво осматривал зал.

Первый раз он скользнул взглядом по парочке за столиком возле окна, равнодушно. А на второй раз, его как пригвоздило к стойке. Девушка, нет, женщина... Или все таки девушка? Она была чудо как хороша. Нет, не гламурная дива. Может чуть чуть полновата. Но как же она прекрасна! Юра смотрел, а амур отчаянно накручивал настройки души парня. Уж очень застенчив этот "ловелас". И все же сработало. Бледнея и краснея попеременно, программист подошел к ним:

– Простите, – нетвердым голосом сказал он – можно пригласить Вашу даму на танец?

– Если дама не против... – протянул Артус, разумеется зная, что дама только из туфлей не выпрыгивает, настолько не против.

Они танцевали, а амур думал о том, что нашел себе новую работу. Он поскреб щетину и довольно улыбнулся. В конце концов, он любил то, чем занимался.

Дальний путь.

Длинный глубокий овраг под название Сизый Яр, делил село Водники на две неравные части. На востоке было Старое село, на западе новый район, что местные называли Ставки. На самом краю оврага, в чуть обтрепанном, но все еще крепком доме, жил Семен Вадимович Серeda. И сейчас восьмидесяти двухлетний отставной майор собирался в дальний путь.

Уж явно не любовь к путешествиям двигала стариком. Увольте, без причины стирать ноги удел молодых и глупых. Нет, у Семена Вадимовича была конкретная цель. Ради нее он встал даже не в обычные пять утра, а на полчаса раньше. Хотя зимой светлело не раньше девяти. Достал из сени, зимой холодильник выключал за ненадобностью, заготовленные овощи и мясо. Поставил на огонь казан и начал готовить плов.

– В чем секрет вкусного плова? – разговаривать кроме как с самим собой, Семену Вадимовичу было не с кем – В щедрости! Баба она как думает? А вот положу я на пол ложечки масла меньше. – старик щедро налил масло из бутылки – И это правильно, да только плов не получится, так, рисовая каша с мясом. – в весело стреляющее масло он кинул уже порезанного кролика – А мужик еще и больше кинет чем на-

до, — в казан отправился лук и морковь — от того и вкуснее получается. Хотя и дороже.

Он накрыл казан крышкой и начал одеваться. Армейская выправка осталась в далеком прошлом, но военная привычка все планировать выручала по сей день. Когда он оделся, подоспел и плов. Он положил половину в эмалированный бидончик и надежно замотал его в полотенце и пуховый платок. Вот теперь не остынет.

В стылых зимних сумерках ворота черной стеной преграждали путь со двора. Только подойдя вплотную, старик разглядел ручку калитки. Впрочем, ему это было ни к чему. Руки и так все помнят. Он сам эти ворота делал и сам ставил. Правда, это было очень много лет назад. Вот он и на улице. За день, зима теплая, снег утрамбовывали, а за ночь его примораживало. Не хуже ледового катка, мысленно выругался Семен Вадимович.

Склон начинался полого, но будь на нем обычные валенки, то и легкого уклона хватило сломать старческие кости. Хорошо правнук озаботился и привез хорошие американские ботинки. По сильному морозу, конечно, ноги мерзнут, но сейчас тепло. И вообще не скользкие.

Все же спуск давался тяжело, и ведь не передохнешь ни-

где. Только на самом дне, где колодец. Вот так, по четверти шага, он спускался. К колодцу добрался весь в испарине. А пацаном ведь на пятой точке через мгновение был бы внизу. Годы! А идти надо.

– Ну, товарищ майор, – прикрикнул он на себя – Подъем!

Подъем, так подъем. Медленно, тяжело. Но с этой стороны оврага была лестница и перила. Было хоть за что держаться. Сзади слышались шаги:

– Семен Вадимович, – сын Маньки Добронравовой нагоял его – помочь Вам?

Старик помотал головой. Сил ответить у него не было. Парень остановился, вот и говори, что молодежь плохая.

– Давайте помогу, все равно по пути.

– Спасибо, – прохрипел старик – я сам.

– Ну, как хотите... – парень пожал плечами и в полминуты взлетел на холм.

Семен Вадимович продолжил путь. Упорный к цели дойдет, правы были все-таки забытые мудрецы. Шиферный за-

бор и зеленые ворота были его целью. Ворота не заперты, да и что взять у одинокой старушки? Впрочем, и совесть у людей осталась не то, что в городе: берут все, что плохо лежит, не приколочено гвоздями и не раскалено добела.

Светлана Назаровна стояла возле стола и резала хлеб. Семен Вадимович нахмурился.

– Тебе же постельный режим требуется, фельдшер сказала!

Светлана Назаровна обернулась. На черном платье, накинут красный расписной платок, седые волосы в аккуратной прическе, морщинистое лицо и пронзительные карие глаза. У старика аж сердце зашлось, до того красивая она была.

– Во-первых: здравствуй Семен Вадимович! – строго и назидательно, что сделаешь педагог с пятидесятилетним стажем, сказала она – Во-вторых: что же ты по такому гололеду бегаешь?

– Ага, чуть-чуть Манькиного сынка не обогнал! – засмеялся старик.

Сели завтракать. Как положено, в комнате не на кухне. Скатерть с бахромой и синий сервиз из буфета. Плов не

остыл, да соленья, хлеб, много ли старикам надо? Какие новости. Кто родился-женился. Председатель вор. Мало ли тем для беседы?

Время за разговором летит незаметно, вот уже и обратно пора идти. Надо, а ноги не слушаются. Не по стариковски, нет. Просто уходить не хочется. Вроде дома отрепетировал все и складно получалось: «Что тебе одной маяться? Ты же знаешь, как я всегда к тебе относился. Перебирайся ко мне, вдвоем веселее».

Язык как пришитый, не шевелится почти. Она смотрит, внимательно, почему-то печально и ждет слов. Тишина. И так уж который год. Боялся Семен Вадимович этого разговора. Вот пуль на войне не боялся. Дурного парторга, что грозил донос написать, не боялся. А отказ услышать боялся. Ведь тогда неудобно будет приходить под разными предложениями: плов принести если приболеет или замок починить...

Надо идти. Светлана Назаровна вздохнула ему вслед. Опять не решился, ну может быть завтра, ему надоест дальний путь и он останется?

Блажной.

Тяжелый дух самогона доносился из беседки. Вопли подвыпивших мужиков разносились на весь двор. Летние су-

мерки уже загнали бабушек по квартирам, а жен эти крики еще не достали, так что утихомиривать выпивающих было не кому. Я вдохнул самогонный дух, пополам с сигаретным дымом и незначительной примесью воздуха, закашлялся с отвычки и улыбнулся, до чего хорошо вернуться домой.

– Привет народ! – громко сказал я и выставил на грязный стол литровую бутылку водки. Водке, разумеется, уделили больше внимания, чем мне, меня это не удивило и не обидело. Под одобрительный гомон я вытащил из сумки колбасу, помидоры и огурцы, ужин чемпионов. – Налетай, братва!

«Привет» и «как дела» звучало музыкой, под уютное журчание льющейся в пластиковые стаканы водки. Хорошо, никаких нервов, сегодня напьюсь в хлам. Можно будет попросить у Толика Флакона гитару и побренчать что-нибудь душевраздирающее и сопливое. Исполнитель из меня хреновый, но после пары литров ценители будут в нужной кондиции. По мере уменьшения жидкости в бутылке, разговор становился оживленней, анекдоты похабней, а байки все более лживы. Красота!

Тут из темноты вышел дедок бомжеватого вида, одетый, несмотря на теплую погоду в драное пальтишко, наверное, берег свое единственное имущество от посягательств таких же. Мужики, обычно резко «рубающие хвосты», то есть отгоняющие не прошенных нахлебников, быстренько усадили деда между собой и с умильной и непонятной заботливостью стали подрезать ему колбасу и батон. Выпить предло-

жили, но вяло, без энтузиазма. Отказ деда восприняли спокойно и не стали как всегда чуть не силой заливать. Верхом лихости в районе считалось напоить «закодировавшегося», что бы потом на просьбы, уставшей от бесконечной пьянки жены отвечать, ты, мол, знаешь такого? Так он после «кодировки» еще больше бухает!

Вообще поведение мужиков к деду было до крайности странным. Дед ел аккуратно и неторопливо. Разговоры почти стихли и, что вообще не лезло ни в какие ворота, Леха Бойко, говорил прилично. От него, до этого, я слышал печатную речь, только в виде междометий.

– Слышь, Толян, – спрашиваю бывшего соседа по лестничной площадке, – это кто?

– А никто не знает. – Толик выглядит подозрительно трезвым, хотя еще пять минут назад едва стоял на ногах – Пришел во двор месяца два назад и заговорил с Крабом.

– Ничего себе! – Дурной нрав Краба, местного «авторитета», стал притчей, так сказать, во языцех. Отбитый на всю голову уголовник, давал отдохнуть району только когда сидел в тюрьме, что к счастью случалось достаточно часто. Больше всего он любил безнаказанный мордобой, поэтому бомжи обходили его десятой дорогой.

– Это только цветочки, – зашептал на ухо Толик – ну Краб сначала стал понты колотить, как обычно, ты, мол, дед рамсы попутал, не в тот двор заперся и так далее. Дед его выслушал, а потом тихо так ему чего-то сказал. Краб белый аж стал.

Все думаем, хана деду. А Краб кланяется деду, потом нам и говорит: простите православные, собирает сумку и уходит. Люська Забодина, его в Михайловском монастыре видела, ты же знаешь, она на религии повернута, клянется, что Краб в рясе там, ну монахом!

– Краб? Монахом? – в такое верилось с трудом.

– И это еще не все, – Толик наслаждался моим изумленным видом – Жанку Мякшину помнишь? – я кивнул, за ней в детстве недосмотрела вечно пьяная мамаша, от плохого питания бабе перекрутило ноги, ходить она в принципе могла, но только на костылях. – он ей ноги выровнял!

– Как?!

– Да хрен его знает! Блажной он! Ну, типа, Божий человек. Чудотворец или как... Это ты у нас умный, так что сам придумашь как, а мне лично этот дед язву вылечил...

Чудотворец? Не верю я в чудотворцев, но для шарлатана у деда был слишком ободранный вид. Дед запил ужин водой, предусмотрительно принесенной кем-то, и задал вопрос.

– А что ребята, красивый сегодня закат был?

Мужики дружно стали вспоминать, какой сегодня был закат, получалось с трудом, потому что во время заката их беспокоили другие проблемы, где «накружить» денег на самогон. Я точно знал, что во дворе закат был некрасивый, аккурат напротив двора располагался «Коксохим», его уродливое и чадающее днем и ночью здание изуродует любую картину, но молчал. Я, честно говоря, обалдел от деда, ох не про-

стой бомж заглянул на гульбище молодецкое, оглянувшись, я заметил, что уже не только молодецкое. Из квартир ободранной хрущевки вышли почти все кто мог передвигаться, но тишина стояла такая, что слышно было даже жужжание комаров.

– Ай-я-яй! – укоризненно сказал дед – если ты за день не слышал, как птицы поют, так день прошел зря, на глупость и суету потратил ты его.

Люди молчали, я мог поклясться, что многим было стыдно. Я любил родной район, но никогда не строил иллюзий по поводу его обитателей. Основная масса жителей, конченные алкаши соревнующиеся, кто быстрее отправит на тот свет, водка или силикоз, подаренный родным заводом. Интеллигентность, а тем более совесть, здесь воспринималась как шутка, в лучшем случае. Появляется странный дед и укоряет замордованных работой, с мозолями на руках и сердцах, людей в том, что они не слышат пение птиц. И вместо ожидаемой оплеухи, получает внимание и, пожалуй, что трепет. Дед, толи проповедует, толи спрашивает странные вещи:

– Вот ты, Коля, почему жену сегодня не поцеловал? – Николай Голубев, понуро молчит. Он не раз гонял жену по району в одной ночнушке и украсил ее широкое лицо не одним синяком. Я точно знал, что ему не стыдно за это, он сам рассказывал что это «профилактика», чтобы не расслаблялась. А сейчас вижу стыдно ему... и за что? За то, что не проявил любви. Охренеть!

– А ты Маша, перестань гонять дочку и через месяц зять будет, лучше не придумаешь! – Мария по кличке «Полтора», сникает всем своим необъятным телом, а ее дочка Лиза испуганно ойкает. В пятнадцать гулять с мальчиками хочется, но мама этого желания не понимает и очень больно навязывает свою точку зрения.

Все это выглядит родительским собранием в сумасшедшем доме. Дед говорит ласково и необидно, но достает каждого до самого дна души. Я внезапно понимаю что дед может в мою душу влезть и начал потихоньку пробираться к арке выхода. Как он оказался возле меня, если только что сидел в другом конце двора? Чудотворец, блин!

– Если ты не выпустишь то, что у тебя внутри, оно сожрет твою душу. – спокойно сказал он, я сжался от ужаса что он сейчас начнет высказываться о моей душе. – не бойся, твое останется с тобой, пока ты сам с ним не расстанешься.

– Да что ты понимаешь! – почти выкрикнул я.

Дед молчал, я смотрел в его сморщенное лицо, ясные карие глаза и понимал, что он знает. Знает все, про нее, про то, что произошло между нами и даже про, то, что я чувствую. Меня поглощал страх, никто не может лезть в мою душу, никому я не отдам свою боль, потому что без нее, останется пустота, а это еще хуже.

– Пойдем, проводишь меня. – дед повернулся и затопал в дырявых, разбитых ботинках по асфальту.

Я подумал и пошел следом. Какое-то время мы шли, мол-

ча, я кое-как собрался с мыслями. Дед, наверное, какой-то гипнотизер, а может даже телепат. Во всех ангелов-богов я не верил, так что и этому есть объяснение, надо только копнуть глубже. С чего бы начать? Точно с лести, самый лучший способ понравится человеку, грамотно и толково «поездить по ушам».

– А вы наверное специально учились людям помогать. – слащавым, даже самому противно, голосом спросил я. – Факультет психологии?

Дед остановился, я обратил внимание, что мы стоим на совершенно незнакомой улице, хотя район я знал, как свои пять пальцев. Так, полез в мои драгоценные и горячо любимые мозги, мелькнула паническая мысль.

– Не имеет значения, кто я и откуда. – с едва уловимой насмешкой сказал дед, такого грубой как трактор лестью не проймешь. – важно другое. Ты уничтожаешь свою душу и если не прекратишь, то уже через месяц станешь либо покойником, либо психом. Запомни, Бог для тебя этого не хочет!

– Я не верю в Бога! – все ясно, нищенствующий проповедник, а я-то возомнил, что встретился с потусторонней силой, высмеял я себя.

– Веришь, только ты об этом забыл. – дед повернулся лицом к полной Луне.

– Бога нет! – выкрикнул я.

– Так уж нет? – бросил дед через плечо и пошел в небо, на фоне огромного лунного диска его было отчетливо вид-

но. Как по дороге шел. Я стоял, смотрел на уменьшающуюся фигурку и прошептал:
– Бога нет?

Подарок.

День не задался с утра, было еще темно, когда ее разбудила ноющая боль в животе. Добредя до туалета, она поняла, что начались месячные, а это значило, что три дня будут отвратительными. Провалившись в кровати до семи, Света, охая и крихтя, побрела на кухню, шансов заснуть все равно не было. Кофе горчил, а мысль о еде вызывала тошноту. Знать бы какой гад придумал менструацию, придушила бы на месте, мрачно думала она.

Ира как всегда улыбалась с холодильника, но ее взгляд показался Свете мрачным. Она отвернулась от фотографии. Включила телевизор, попала на выпуск новостей и меньше чем через минуту выключила, та же нарезка ужастиков в реальном мире, что и всегда.

Навела марафет, посмотрела на часы, без двадцати восемь. Что за идиотские выходки организма, думала она, в рабочий день еле глаза продираешь, а сегодня не спится. Потом вспомнила, что сегодня День Посещений и настроение из плохого стало отвратительным. Ей как учителю приходилось иногда, примерно раз в квартал, ходить домой к родителям некоторых учеников. Она бы с удовольствием переложила это сомнительное дело на другого, но....

Ладно, Светлана, одернула она себя, это как в прорубь нырнуть, раньше начнешь, раньше закончишь. И подумала, что общение с некоторыми родителями скорее напомнит о нырянии не в прорубь, а в выгребную яму. Вот с них и начнем, приказала она сама себе.

На улице снег перемешался с грязью, осень никак не хотела заканчиваться, а зима наступать. Света запахла пальто и пошла к Григорьевым, можно было выйти на проспект Конева и подъехать остановку, но учительница пошла пешком. Во-первых, хотелось оттянуть визит в квартиру алкашей, да и при ее зарплате лучше чаще дышать воздухом, так дешевле.

Людей на улицах почти не было, в Вологде народ серьезно относился к выходным дням, так что часов до девяти все спали. Но застать папашу и мамашу Димки Григорьева в более-менее трезвом состоянии в другое время нереально. Светлана размышляла о детях в ее классе, тот же Дима, мальчишка умный и шустрый, мог бы учиться на «отлично», если бы дома им занимались. К сожалению, единственное воспитание которое он получал от родителей это побои. Даже сейчас она не была уверена, что поступает правильно, может она только их спровоцирует на насилие, Димка был просто в ужасе, когда она сказала что зайдет к ним домой.

Света поджала губы, нет, думала она, я этим гадам, не дам издеваться над ребенком. Все-таки она была учителем, что называется «от Бога» и переживала за всех детей. Особенно

после того что случилось прошлым летом. Дети ее любили и, хотя она об этом не рассказывала, жалели ее. От этого хотелось просто быть. Может эти детки и держали ее на земле.

Звонок у Григорьевых кто-то выдрал, оставив лишь голые провода, хорошо, что Света догадалась подсветить. Стучать пришлось довольно долго, наконец из квартиры раздался неразборчивый мат.

Обшарпанная дверь с висящим ключьями дерматином, распахнулась и на пороге появилась опухшая Катерина Андреевна, мать Димы.

– Че, надо? – сипло спросила она, разя таким перегаром, что перебивал даже аромат рвущийся из квартиры.

– Доброе утро, я Светлана Сергеевна, учительница Димы, помните меня? – стараясь не морщится сказала Света.

– Че этот оболтус опять натворил? – Катерина не помнила ее, единственное что она помнила, что где-то на кухне заныкала шкалик спирта.

– Ничего, успокойтесь, мы можем поговорить?

– Проходи. – Катерина поняла, что учительница не отвяжется и потопала на кухню, стараясь не запачкаться, Света проследовала за ней.

Ошарашенная она наблюдала, как Катерина приложилась к мутной бутылке водки. Алкоголичка уловила ее взгляд и оторвавшись предложила, протянув бутылку:

– Будешь?

Света оторопело, помотала головой, она знала, что Гри-

горьевы пьют, но такого не ожидала. Катерина отыскала стакан и налила половину, бутылку заботливо спрятала за печку. Порылась в холодильнике, достала подозрительного вида колбасу и надкусанный плавленый сырок, на грязной тарелке. Взгромоздилась на перевернутое ведро, целых табуретов на кухне не наблюдалось, хотя Света в любом случае побрезговала бы садиться. Глаза Катерины заблестели, похмелье отступало, и блаженное опьянение было на пороге.

– Так чего там Димка натворил? – теперь она была настроена более благодушно. Света смотрела на ожиревшее тело в грязном халате, засаленные, неопределенного цвета, спутанные волосы, опухшее лицо и зверела. Злость поднималась против воли. Неужели, думала учительница, она не понимает что творит? Понимает, поняла она, ей просто все равно, лишь бы на бутылку было.

– Если Дима еще раз явится на уроки с синяками, – прошипела Света – я натравлю на вас соответствующие инстанции.

– Это он с лестницы упал, – насупилась Катя, подняла было стакан, но поставила и отодвинула подальше – знаете же этих пацанов! – она неуверенно хохотнула, даже не ожидая, что учительница поддержит ее.

– Я не дам калечить ребенка! – Света была в ярости, горе-мамаша почувствовала ее состояние и вжалась в стенку.

– Че, ты лезешь? – огрызалась она, как зажатая в угол дворняга – У себя дома порядки наводи, я ему мать, а не ты!

– Это было последнее предупреждение, – резко бросила Света и пошла к выходу, обернулась и еще раз осмотрела грязную кухню – ты не мать, ты урод!

На улице она расплакалась не в силах сдержаться. Света понимала, что уже сегодня они отыграются на ребенке, а она ничего с этим не сможет сделать. Господи, шептала она всхлипывая, ну зачем ты таким негодьям даешь детей?

Кое-как приведя мысли в порядок, она подошла к киоску и купила шоколадный батончик, ее всегда успокаивало сладкое. Съела, не найдя поблизости урну, положила фантик в карман. Несколько раз сильно выдохнула. Еще два адреса, там правда, должно быть полегче. К Игнатовым сходила зря, они опять укатили куда-то на острова. Мать Виолетты Игнатовой свято верила, что главное для девочки это красота и удачно выйти замуж, а знаний должно хватить для чтения гламурных журналов. Впрочем, она сама была ярким примером этого принципа. Потоптавшись у двери, Света вышла на улицу. Остался один адрес, к Верещагиным она не знала, как относится, странная ситуация. Любава Верещагина приехала из Твери с отцом, матери у них не было, полгода назад. Девочка была живой, красивой и умной. Во втором классе она свободно читала и писала, причем на английском так же свободно, как и на русском. Еще через месяц выяснилось, что она владеет китайским. Неконфликтный ребенок, наоборот, в ее присутствии конфликты рассасывались сами собой.

Вопросы возникли на этой неделе, когда она попросила детей рассказать, кем работают их родители. Девочка, даже не запнувшись, сказала, что ее папа работает колдуном. Света посмеялась, все решили, что это шутка. Впрочем, дразнить Любаву никто бы не стал, ее любили одноклассники, что, кстати, было странно, дети редко так легко врастают в новый коллектив. Потом после урока она задала свой вопрос еще раз. Девочка удивленно посмотрела на нее своими огромными зелеными глазами и сказала:

– Светлана Сергеевна, я же Вам сказала, мой папа работает колдуном.

– И что он делает на своей работе? – за годы работы с детьми, она прекрасно научилась разбираться, когда дети врут, Любава говорила правду, во всяком случае, она в это верила.

– Колдует, разумеется. – ребенок смотрел на нее как на законченную дуру. Учительница смутилась. – это все, Светлана Сергеевна? Можно мне уже домой?

– Подожди... – Света подумала, что нездоровые фантазии могут слишком далеко завести и это лучше обсудить с ее отцом – Как ты смотришь, если я к вам в субботу в гости приду?

– Конечно! – обрадовалась девочка, потом опомнилась и добавила – Если папа против не будет, я его спрошу, ладно?

Теперь Света стояла возле подъезда и думала, чем она объяснит свой визит. Фантазии ребенка? Вдруг подумает,

что я его проверяю, думала учительница, хотя, в общем, так и есть, я его именно проверяю. Ладно, если все в норме отговорюсь строгой и педантичной директрисой.

Полированная под лаком дверь производила приятное впечатление. Мало кто из людей заботится о красоте внешней двери, поставят металлическую, в крайнем случае, кожвинилом обобьют, а накладки натурального дерева весьма дорого стоят, так что, можно судить, достаток в доме есть. Да и одета Любава дорого и со вкусом. Отца, стройного симпатичного здоровяка, она запомнила. Но одно дело дочку в школу отправлять, другое дело дома. Вон Катерина, тоже почти на человека была похожа первого сентября. А дома человек расслабляется и не любит притворяться.

Света позвонила, через пять секунд дверь распахнулась и на пороге появилась улыбающаяся Любава, в джинсах и футболке. Изрядная потертость одежды говорила о том, что это домашний наряд, чистый впрочем.

– Заходите! – Любава посторонилась и крикнула вглубь квартиры – Пап, это наша учительница пришла!

Света зашла в прихожую, огляделась, аккуратно сделанный ремонт, никаких модных излишеств, но со вкусом, мебель дорогая. Девочка приняла у нее пальто и показала тапочки. Из комнаты вышел отец Любавы, Святослав Евгеньевич, вспомнила его имя учительница. На нем тоже были обычные джинсы и футболка, что же, подумала Света, мужчина есть мужчина, глупо было ожидать от него рюшечек и

бантиков.

– Вы, извините, – почему-то смутилась она – может я не вовремя?

– Нет, все нормально, – приятным голосом ответил Святослав Евгеньевич и протянул руку – Слава.

– Света, – они уже представлялись друг другу, но сейчас имена-отчества казались неуместными.

– Любава, солнышко, – обратился он к дочери – поставь нам чайник.

Девочка умчалась на кухню. Слава жестом пригласил гостью в комнату. Диван, пару кресел, журнальный столик между ними, компьютерный стол и стеллаж с книгами во всю стену. Света, заядлая читательница подошла к стеллажу, вместо ожидаемой классики и фантастики, она увидела университетские учебники по социологии, философии и истории. Почти треть книг были иностранными: английский, французский, латынь, греческий и даже с иероглифами, наверное, на-китайском.

– Любите читать? – спросил Слава.

– Да, а давно библиотеку собираете?

– Это еще мой отец начинал собирать, – усмехнулся Слава – в моей спальне еще три стеллажа. Тут рабочие книги, то, что должно быть постоянно под рукой.

– А, кстати, – Света обрадовалась удачному повороту разговора – кем вы работаете?

– Я – колдун, – спокойно ответил Слава.

Света резко обернулась, он стоял в дверях, сложив руки на груди, спокойный, уверенный и доброжелательный. Какой мужик, мелькнула мысль в голове учительницы, так, стоп, нашла время.

В комнату зашла Любава, с подносом уставленным чашками и вазочками с разными вкусностями. На журнальном столике поставили чайник с ароматным травяным чаем. Любава делала вид, что она тут очень нужна, но отец спокойно сказал:

– Любава, пойди, поиграй в свою комнату, нам надо поговорить.

– А что я вам помешаю? – девочка тщетно пыталась быть наивной.

– Да, – твердо, хотя без тени агрессии ответил отец.

– Ладно, – нехотя согласилась дочка, потом хитро улыбнулась – пап, а сделай мне зеленого дракона, ну помнишь, ты красного делал, точно такого же, только зеленого. Пожалуйста....

Света решила, что разговор надо вести жестко, нельзя же так играть с психикой ребенка, так до беды недалеко. Додумать, что именно она скажет Славе, учительница не успела. Отец погладил дочь по голове, потом вытянул руку, и сделал какой-то странный, хотя не лишенный изящества жест. На полу появился зеленый дракон, похожий на те, что рисуют на китайских гравюрах, маленький, размером с таксу. Диковина помотала головой и принялась обнюхивать ноги девочки.

Любава захлопала в ладоши и спросила:

– А он огнем плюется?

– Обязательно! – усмехаясь, ответил отец – Только не настоящим, а то вы, со своими играми полквартиры спалите.

Девочка поцеловала отца в щеку, схватила извивающуюся игрушку в охапку и с гиканьем помчалась в детскую. Света украдкой наблюдала за Славой, он улыбался, совершенно нормальной улыбкой, как улыбается каждый папа, если угодит ребенку с игрушкой. Потом он посерьезнел, хотя на дне его зеленых глаз все еще пряталась улыбка. Отпил чаю и спросил:

– Так о чем вы хотели со мной поговорить?

– Я уже даже не знаю... – Света была ошарашена увиденным, в голове творился бедлам – Любава сказала, что ее отец работает колдуном, я думала, что она фантазирует, и пришла об этом поговорить....

– Как видите, – ответил Слава – она не фантазирует, хотя я ей говорил, чтобы держала рот на замке.

– Но, – Света не находила подходящих слов – это невозможно!

– Вы о драконе? – добродушно ответил он – Это иллюзия, так, почти фокус. До настоящего колдовства этой ящерице далеко, просто дочку развлекаю.

– А настоящее? – прошептала Света.

– Ну, тут сложнее, хотя работа интересная и платят неплохо. – он нахмурился, внимательно ее разглядывая – Вот у вас

большая проблема, ее фокусами не решишь.

Свету обожгло воспоминаниями, она резко поднялась:

– Мне пора, извините что побеспокоила.

– Сядьте! – неожиданно властно сказал Слава – Я еще не закончил.

– А я закончила! – грубо ответила она, но все равно села, хотя не собиралась.

– У тебя дочь погибла полтора года назад – тихо, но четко сказал он – боль разъедает тебя изнутри, если так будет продолжаться, от тебя останется только труха. От души твоей, понимаешь?

Света заплакала, за что он с ней так? Зачем в эту рану палкой тыкать? Скотина! Он подошел к ней и опустил на корточки. Взял в свою руку ее подбородок и поднял лицо. Посмотрел в глаза, его взгляд был таким же теплым и добрым:

– Света, я могу тебе помочь.

– Ты умеешь воскрешать мертвых? – зло ответила она.

– Нет, да и тебе, вряд ли понравится оживший мертвец. – спокойно ответил он.

– Тогда чем ты мне поможешь? – притухшие угли горя вспыхнули, даже злость сгорела в этом пламени, только отчаяние и боль терзали ее.

– Смотри, – он подошел к компьютеру – что делать, если система зависла?

Света тупо смотрела на широкий жидкокристаллический

монитор и ответила на автомате:

– Включить и выключить.

– Правильнее будет перезагрузить.

– И? – похоже, он все-таки сумасшедший, подумала она.

– Твоя дочь не ушла по Последнему Пути, – терпеливо объяснял он – она осталась рядом с тобой, потому тебе так трудно. Но есть способ «перезагрузить».

Света ничего не поняла, но почему-то глухая тоска чуть отступила, появился какой-то призрак надежды.

– Ты забеременеешь и родишь. Только душа в этом ребенке будет твоей Иры.

– И что ты хочешь взамен? – Света давно усвоила, что бесплатный сыр, в конце концов, будет слишком дорогим.

– Денег. – просто ответил Слава. Света хмыкнула, ну вот и прояснилась ситуация. Он просто ее разводит на деньги.

– Нет, Света, – усмехнулся колдун – деньги ты принесешь мне через год, после того как родишь, я не беру вперед. Но уж не пожадничай.

– Знаешь что? – взорвалась Света – Колдун задрипанный, тебя видно плохо информировали, но после аварии у меня все что можно, и все что нельзя вырезали, так что шансов на вторую беременность ноль!

– Ага, – спокойно согласился Слава – только, обрати внимание, – он указал пальцем на ее живот – уже не болит.

Света прислушалась к ощущениям, действительно боль, ее верная спутница с той самой роковой аварии, ушла. Мо-

жет он ей что-то в чай подмешал?

– Короче, жду через год.

Света схватила сумочку, накинула пальто, кое-как влезла в сапоги и сбежала из злополучной квартиры. Из детской вернулась Любава, на руках у нее лежал зеленый дракон и подставлял шею под ласковые пальцы. Его чуть слышное шипение, слишком походило на урчание кошки.

– Видишь, солнышко, – устало сказал отец – они всегда боятся, будь к этому готова.

– Да, пап, – ребенок положил руку на плечо Славы – не расстраивайся, ты ведь сделал хорошее дело.

Два месяца спустя Светлана Сергеевна, вышла из женского кабинета, спокойная, только бледная. Зашла за угол поликлиники и трясущимися руками отыскала в сумочке телефон:

– Мам, это я, – она вдохнула поглубже – помнишь я рассказывала про сумасшедшего папашу одной из моих учениц? Короче, начинаем готовить деньги.

Город за вуалью быта.

Проклиная тот день, когда пошел на эту гнусную работу, я вышел из автобуса. Конечно, в моем случае работой не перебирают, но копать целый день в мусоре мне не нравилось. Можно хоть до потери сознания убеждать себя, что занимаешься полезным делом, и переработка макулатуры спасает

деревья, только эти убеждения таяли от необходимости перебирать прелую, обгаженную крысами бумагу. Ноги налились, как будто под кожу закачали несколько литров воды, а спина стонала и просила пощады.

Оставлять эту просьбу без внимания в мои планы не входило, как раз наоборот я мечтал, залезть под горячий душ, и понежиться под упругими струями, чего-нибудь поесть и завалиться на диван. Но капризная судьба, а скорее маленький брак в тормозной системе иномарки какого-то балбеса, поставил крест на этих планах. Если до Зосимовской автобус еще полз, то дальше улица Герцена превратилась в выставку автомобилей.

В общем, до дома можно было дойти и пешком, хотя топтать предстояло минут двадцать-тридцать. Я выругался сквозь зубы и, приказав спине заткнуться, вышел из автобуса. Город менялся с каждым днем, и с каждым годом люди все крепче забывали дикие девяностые, не сказать что наступило «светлое будущее», но люди стали жить чуть легче, и, разумеется, становилось все больше машин. Обратная сторона прогресса – любая даже самая мелкая авария, становилась причиной затора.

Я поохал, потом оборвал себя, да что это я в самом деле? Будто дед старый! Да, я за неделю наматываю такой километраж пешком, что хватит до Москвы пробежать, зато похудел и с моей фигуры исчезли те безобразные семь лишних килограмм. Летом не будет стыдно на пляже раздеться. Да и

погода располагает, продолжал я подбадривать себя. Последнее впрочем, было совершенной правдой, казалось, Весна в этом году постилась вместе с верующими, и до Пасхи погожие деньки можно было пересчитать по пальцам.

Сейчас же Весна гуляла по городу в своем новом, сотканном из зелени и солнца, платье. Как всегда она заглядывала в гости ко всем, но замечали ее самые мудрые – дети и старики. Те, кто находился в среднем возрасте, слишком глубоко зарылись в свои дела.

Обезумевшие от любви воробы горланили свои песни, сколько же я не слышал пение птиц? Наверное, слышал-то я его каждый день, но не слушал. Заботы, заботы... я не позволил себе погрузиться в депрессивные мысли об убегающих годах и просто наслаждался прогулкой. Рядом шли люди, они также решили пройтись, чем париться в душном салоне. Кто-то с серьезным лицом и целеустремленностью бульдозера шагал к цели, но большая часть просто радовалась солнечному деньку и возможности плюнуть на спешку.

Многие улыбались, скорее всего, и у меня на лице была такая же потерянная улыбка, потерянная потому что я не привык просто улыбаться, не хохотать над анекдотом, не ухмыляться злорадно, а просто выражать радость. Люди шли вдоль вереницы автобусов и троллейбусов, из окон на нас смотрели удивленные пассажиры, со стороны, возможно, это выглядело странно. Кто-то награждал нас суровым осуждающим взглядом, идут, понимаешь, и улыбаются непонятно

чему, другие провожали нас с тоской в глазах, как будто они сидели в заключении, а мы гуляли на свободе, так смотрят из школьного класса, слушая нудный и неинтересный урок. Они выбегали из транспорта, вдыхали полной грудью весенний ласковый ветерок, подставляли лицо солнечным лучам и шли вместе с нами.

Я обратил внимание на одну старушку. Ее подруга что-то сказала ей и выскочила на едва просохшую землю. А она вцепилась двумя руками за прикрученный к переднему сиденью поручень, как будто ее собирались насильно вытолкнуть из теплого и удобного кресла и заставить пройтись. Хотя, подумал я, возможно, ее собственная душа, собиралась поступить так с ней, а бабушка стойко сопротивлялась несолидным порывам.

Переведя взгляд с бабушки на улицу, я ахнул, город сбросил с себя пыльную вуаль и предстал тем, чем был на самом деле. Нет, не появились другие дома или магазины, но, то, что в серой обыденности представлялось деревянным баракком, стало домом. Я увидел, что в этот дом его создатель вложил душу и сердце. За мутным стеклом автобуса я не видел изящной резьбы на фасаде, с любовью отесанных бревен и до миллиметра точного расположения дома и таких домов в Вологде тысячи. Один за другим они выстраивались в мозаику, и это уже не просто жилье или конторы, это мазки кисти гения, сотворившего шедевр.

Подростки на чистых асфальтовых площадках катались

на роликах и танцевали, танцевали, так как возможно только в их возрасте, когда тело гибкое и даже в самых невероятных позах красивое. Весна в городе, весна в сердцах....

Еще утром, я мог бы поклясться, травы не было, но вот, короткая и пронзительно зеленая, она становилась фоном для первых драгоценностей украшавших Вологду – цветов «мать-и-мачехи». Почки еще не раскрылись, и лишь едва заметные кончики листьев виднелись из томящихся бутонов. Сонная, медлительная бабочка, невесть откуда взявшаяся, села на мою куртку, ее привлекла яркая нашивка на груди, принятая ею за цветок. Поняв свою ошибку, она покружила надо мною и улетела.

Позабыв об усталости, я гулял по весеннему городу, сходил к реке, глядя на еще мутную с паводка воду можно было ни о чем не думать. Я совершенно потерял счет времени и пришел в себя уже в сумерках, автобус довез меня до моей остановки. Душ, ужин и диван....

Но было еще кое-что. Я это видел и не забыл, каждое утро, выходя из дома, я слышу пение птиц и знаю, что есть другой город. Город за вуалью быта, настоящий! Красивый, жизне-радостный и полный любви! Он существует для всех, надо только снять шоры обыденности....

Имя для Васьки.

Вологда город древний и красивый, с множеством старинных домов и прекрасных храмов. Люди не испорченные бе-

готней мегаполисов, спокойные, неторопливые. Если попав, например, в Харьков, чувствуешь себя на базаре, в Москве на вокзале, то Вологда представляется скорее церковью. Конечно, я не идеализирую город, всякое бывает в нашей жизни. Но отличия есть и эти отличия не в пользу больших городов. Многое кажется другим, даже идея полностью блокировать перекресток для перехода пешеходами, казалась мне странной, но весьма разумной.

Привычно ломанувшись в первую щель между машин и, видя, удивленные взгляды прохожих я чувствовал себя дикарем, а когда на пешеходном переходе мне уступил дорогу «Майбах», я честное слово, подумал, что он ко мне подкрадывается.

Только молодежь не меняется от города к городу, тот же ясный свет в глазах и восторженные улыбки влюбленных. Наивные попытки угнаться за модой и взгляд свысока на старшее поколение. Но в сердцах юных, огонь человечества и даже хорошо, что этот огонь не погашен холодным душем будней.

Однако поразила в Вологде меня еще одна вещь – собаки. Привыкнув в Харькове к стаям тощих и обозленных «Жучек» и «Бобиков», местные бродячие собаки просто поражают своими габаритами. Здоровенные и толстые, уж не знаю, где животные подкармливаются, но вширь они почти втрое больше привычных дворняжек.

Прогуливаясь с моей невестой по Красному мосту, мы лю-

бывались ледоходом на реке и поеживались под еще прохладным апрельским ветром. К нам подбежала восточно-европейская овчарка, Которую я по началу принял за бродячую. Породистая красавица, сука, с отличным экстерьером. Только грязная, как будто она только что выкупалась в луже.

Лет пять назад меня едва не загрыз пит-бультерьер и собак я опасюсь, но эта красавица проявила столько добродушия на своей звериной морде, что сразу стало понятно, собака эта воспитанная и кусать людей почему зря не будет.

Я разглядел на собаке дешевый брезентовый ошейник, значит хозяйская. Поверить, что кто-то мог выбросить такую овчарку я не мог. Возможно, собака выпрашивала еду или ласку, но ничего съедобного у нас не было, а гладить ее мы не решились, уж очень тщательно она вывалялась в грязи.

Я посмотрел на любимую, в ее глазах точно так же боролось желание забрать собаку и понимание, что квартира не частный дом и держать в ней собаку достаточно трудно. Мы прошли мимо Кукольного театра, и вышли на улицу Мира, собака увязалась за нами. До сих пор не понимаю, как собаки отличают людей, с которых можно пожить от тех, кто может сказать нет. Но факт остается фактом: не смотря на мою, мягко говоря, не слишком красивую и добрую физиономию, стоит мне купить пирожок, как четвероногие побирušки уже сторожат меня и смотрят в глаза, самым честным и голодным взглядом.

– Васька! Васька! – раздался позади высокий детский го-

лос – Иди сюда!

Как не удивительно, собака откликнулась на такую кличку. Я, конечно, не заглядывал ей под хвост, но готов был поклясться, что это девочка. Тем не менее, на кличку она откликнулась и дала подбежавшей девчужке взять себя за ошейник. Хозяйка напоминала собаку, а может быть и наоборот, не знаю. Девочка лет одиннадцати-двенадцати, с лезущей в глаза русой челкой, прицепила к ошейнику потрепанный кожаный поводок. Хитрый, но добрый взгляд блеснул сквозь прямые волосы. Собака смотрела на нас тем же взглядом.

Девочка была чисто одета, но модно порванные джинсы и серая куртка на пару размеров больше чем надо, делали ее неуловимо похожей на Ваську.

– Она вас не напугала? – спросила девочка.

– Нет, – ответила Ольга и я согласно кивнул – хорошая у тебя собака.

– Лучшая! – гордо возразила хозяйка.

– Правильно, – засмеялась моя любимая – меня Оля зовут, а тебя как?

– Лена. А собаку зовут Васька! – с вызовом сказала девочка.

– Какое необычное имя, – я чувствовал, что девочку просто распирает от желания поведать, почему у ее собаки такая необычная кличка – я имею ввиду, необычное имя для собаки.

Солнце проглянуло через завесу облаков, и хмурый город преобразился. От «Детского мира» слышалась бодрая песенка, звонкие детские голоса пели о том как хорошо, гулять и видеть солнышко, суровые дядьки на секунду задумавшись над этими простыми словами, втихаря, улыбались. Мы подошли к пирожковой, я нырнул внутрь, как ни странно, но там не было очереди, я заказал четыре расстегая с рыбой и три кофе, справедливо рассудив что Васька от кофе откажется. Рассчитываясь, я видел сквозь стеклянную витрину, как девочка что-то рассказывает Ольге и та смеется, я смотрел на радостную любимую и в душе творился тот бедлам, что много лет спустя мы называем счастьем.

Мы встали чуть в стороне от идущих людей и принялись за еду. Лена и Васька ели вежливо и не торопясь, собака, перед тем как взять пирожок присела и махнула лапой. Мы удивлялись, какой хороший дрессировщик получился из Лены, а девочка сияла от гордости.

– Так почему ты ее так назвала? – спросил я.

– Потому что это не простая собака, а инопланетная, вот почему! – таинственным шепотом сказала девочка.

Я попытался уловить связь между именем Васька и заявлением Лены. То ли я сегодня туго соображаю, толи связи между этими событиями мало. Актер из меня никакой и девочка без труда угадала мои мысли.

– Вот вы мне не верите, а она говорящая! – обиделась Лена.

– Говорящая, так говорящая. – стараясь сохранить серьезное выражение лица сказал я и добавил обращаясь к собаке – Здравствуйте уважаемая Васька.

Оля улыбнулась, но не позволила себе рассмеяться, чтобы не обижать девочку. Лена упрямо топнула ножкой. И повернулась к овчарке:

– Васька, ну скажи чего-нибудь! – собака послушно гавкнула и, высунув язык, склонила голову набок. Девочка чуть не плакала от обиды. Я сочувственно кивал, доказательство было мягко говоря не убедительным – Она говорящая, вот только не хочет говорить при чужих...

– Лена, ты главное не нервничай... – Ольга расстроилась, ребенок явно был не в порядке и поделаться с этим мы ничего не могли, не тащить же ее в больницу силой.

Разговор зашел в тупик, Лена стояла обиженная на весь свет. Оля думала, как помочь ребенку, а я особо не переживал, у детей сильно развито воображение и бить тревогу еще рано, надо отвлечь ее от тягостных мыслей.

– Лена, ты мне вот что объясни, – я старался говорить спокойно, как, будто не услышал ничего странного – все-таки, почему ты назвала ее Васька?

– Да она все время повторяла по началу «вас как?», «вас как?»... – шмыгнула носом девочка – спрашивала, значит, вас как зовут. И только через два дня заговорила как мы. Только на людях стесняется, не хочет разговаривать.

Собака сидела с невинным видом и принюхивалась к сум-

кам прохожих. Лена, не в силах стерпеть такой подлости от домашней любимицы, разревелась всерьез. Оля кинулась к ней утешать, девочка вырвалась и не глядя, бросилась бежать.

В Вологде очень культурные водители, ездят в основном по правилам и не превышают скорость. Но Лена выскочила метров за пять перед автобусом. Я рванул тоскливо понимая, что не успею ее вытащить. Водитель, с перекошенным от страха лицом, нажал на тормоз, но поздно. Оставляя черные полосы жженой резины огромная машина неслась на подростка.

Черно-рыжим пятном овчарка пронеслась мимо и грудью вытолкнула Лену на встречную полосу, по счастливой случайности машины были далеко и успели затормозить. Кошмарная авария не состоялась. Водитель автобуса заорал на девочку матом, метров двадцать проехал и прижался к бордюру отдышаться. На шум прибежали патрульные, убедившись, что состава преступления нет, отвели Лену в сторону и, что называется, прочистили ей мозги. Рядом села и тяжело задышала Васька, для нее рывок на пределе возможностей, не дался легко. Хриплым баритоном она бормотала:

– Вот дал Род задачку, за этой балбесиной присматривать, она меня в гроб загонит!

Мы с Олей переглянулись и уставились на говорящую собаку. Васька посмотрела на нас и грустно подмигнула.

Собака махнула нам хвостом на прощание и, тихонько на-

певая «...наша служба и опасна и трудна...», побрела к зареванной хозяйке. Никто из людей не обращал внимания на едва слышную песенку. Да я и сам часто ли обращаю внимание, откуда слышу чью-то речь, подумал я.

Лена вцепилась в шерсть личного духа-хранителя и пошла по Благовещенской улице, мимо кафе «Арбат», там угол дома скрыл от нас девочку, что всегда найдет себе проблемы на пятую точку и ее мохнатую подругу.

Исполненные обещания.

Ира была спокойна. Тихая и деловитая, она суежилась по кухне, выкладывая печенье в вазу, расставляя чашки и доставая из холодильника варенье. Марта Генриховна поджала губы. Она знала цену этому спокойствию. Дочь вся в отца пошла. Шуметь и ругаться можно и иногда нужно. Но если пришла беда не раскисай. Вот Ира и не раскисала. Чайник закипел, она поставила его на можжевелевую подставку и уселась напротив матери:

– Тебе с сахаром или с вареньем? – спросила она, заливая ароматный зеленый чай кипятком.

– Я сама, деточка. – Марта медленно помешивала чай ложечкой. С дочкой надо поговорить, вот с чего бы начать? Трудно.

– Вот это попробуй! – беззаботно, слишком беззаботно щебетала Ира, подавая креманку с мутно-зеленым вареньем – Это Ленка Швецова дала, из крыжовника.

На мгновение Ира перевела взгляд с матери на фото, что стояло на холодильнике. Марта Генриховна не видела его сейчас. Но знала что оно там. Тимур улыбается. Ноги расставлены, кряжистая фигура дышит силой и здоровьем. На заднем плане излучина реки и весенний лес. Уголок фотографии перехлестнула черная ленточка.

У Иры задрожали руки. Она едва не уронила чашку. Но упрямо сжала губы и уселась обратно на табурет. Она смотрела прямо на мать. Марте было до боли в сердце жалко дочь.

– Ну что ты, солнышко? – когда человек плачет, слова утешения сами рождаются внутри. Глупые, нелепые, умные, уместные... всякие. Но Ира не плакала. Она была спокойна. Даже на похоронах, почти чужие старухи плакали, а она нет. Они же потом шушукались по углам, мол, мужа схоронила и слезинки не уронила.

– Я в порядке – ровным, сухим как казенная холстина голосом, ответила дочь – все хорошо.

Марту Генриховну начала наполнять злость. Нет, не на дочь, на бывшего зятя. Почему? Кто знает? Злость и страх так похожи, они всегда обнимаются и идут рядом. А Марта боялась. Боялась сухих глаз дочери, она-то знала, что дочь без памяти любила Тимура.

– Да будь он проклят! – в сердцах воскликнула Марта – Тимур этот непутевый. Сам пропал и тебя за собой в могилу утащит!

– Не надо так, мам. – тихо ответила Ира. Спокойно ответила. Как выгорела изнутри, одна оболочка осталась. – Не надо про Тимура плохо говорить. Он хороший. – помолчав добавила – Был хороший.

– Ешки-матрешки! – выпалила Марта – С чего хороший-то? Учился-учился, а в итоге? Шахтером в забое пропал! Небось, золотые горы обещал?

Марта замолчала, похоже она перегнула палку. Вот же характер. Тут лаской надо, а я в крик, думала она. Отрыдалась бы, отплакалась. Погоревала сколько положено, а там... Молодая ведь, красивая. Нет, за другого не пойдет, верная. Кому верная? Тимуру уже ее верность ни к чему. Во рту стоял горький привкус отчаяния. Ее девочка, красавица-умница в беде. Про зятя, к которому, надо сказать Марта Генриховна всегда относилась хорошо, она не думала. Парню не поможешь. А дочка...

Ира улыбнулась. Мягко, даже нежно. Погладила мать по руке:

– Все в порядке, мам. – Девушка встала, подошла к холодильнику и едва касаясь, провела по фотографии – Он мне обещал только три вещи: счастье, радость и любовь. И свои обещания он выполнил.

– Выполнил... – Марта едва подавила горький смешок – По тебе видно, и счастье и радость и любовь видно.

Еще зимой из-за таких интонаций в разговоре, они бы крупно поругались. Сейчас Ира, такая же тихая и спокойная

обняла мать за плечи.

– Пойдем. – сказала она.

Марта пошла следом за дочерью в единственную комнату. Ира приложила палец к губам и аккуратно открыла дверь. На кровати спал и шевелил во сне губами Никита. Льняными волосами он пошел в мать, а скуластое, несмотря на детскую пухлость, лицо выдавало отца. Ира поправила сыну одеяло, взяла листок со стоящего рядом комода и так же тихо прикрыла дверь.

На кухне, сиротливо стояли уже остывшие, так и не тронутые чашки с чаем. Ира, чувствуя настроение матери, просто убрала их в раковину. Марта держала в руках альбомный лист. На нем с помощью шестнадцати цветов карандашей и детской фантазии было изображено нечто, что вызывает восторг только у родителей. Кривоватая схематичная фигурка с желто-оранжевыми волосами и корявой надписью «мама». В углу авторучкой, уверенным взрослым почерком воспитательницы было приписано: «Никита Тураев 5 лет».

– Вот моя радость и счастье, мама. – все так же тихо и спокойно сказала Ира – А любовь? Пока я его люблю, она никуда не денется. Так что он свои обещания выполнил.

Марта Генриховна увлеклась разглядыванием искусства внука и не заметила как слезинка стекла из уголка глаза Иры. Девушка украдкой ее стерла. Ведь когда приходит беда – не раскисай...

Контрабандист.

Солнце светило в окна вагона и пыль, золотыми искорками, туманила воздух. Жесткие деревянные лавки, вытертые тысячами пассажиров до зеркального блеска, были неудобными, благо ехать недалеко. Сама поездка занимала очень мало времени, но надо было еще пройти таможеню, а здешние таможенники проверяли всех. Эти ребята видели сквозь одежду, даже мысли и то не были для них секретом. Вот поезд замедлился и остановился у полустанка таможенного поста. Мои соседи зашевелились, доставая документы и, скорее по привычке, охая. Мы даже не успели толком познакомиться, я только знал что тетку, постоянно прячущую глаза зовут Елена, а толстого деда с сизым носом зовут Игорь Валентинович. Еще в нашем купе ехала девочка лет девяти, грустная, и, видно, ошарашенная поездкой, потому молчаливая. Всю дорогу спящий наркоман и древняя старуха, с улыбкой глядящая в окно и, время от времени причитающая «...Миша, Мишенька, вот и я...».

Из переднего купе раздавались голоса, строгий таможенника и писклявый, просящий, мужской. Ожидание нервировало, наконец, дверь в купе открылась, и вошел пограничник. Красивый парень, двухметрового роста, с равнодушным взглядом. Белая парадная форма сидела на нем безупречно. Внимательно осмотрев нас, он представился. Проверка началась. Старуху и девочку, он удостоил беглым осмотром и оставил в покое. Наркомана он, весьма грубо встряхнул, но

тот только открыл глаза, пробормотал: «...еще полкуба, бра-тишка?» и заснул опять. Таможенник, покачал головой, но оставил его в покое. Повернулся к нам:

– Игорь Валентинович, скажите, – вежливо спросил он – а зачем Вам акции Газпрома, Там?

Дед покраснел и схватился за грудь, пальцы судорожно мяти что-то во внутреннем кармане пиджака. Таможенник понимающе улыбнулся и достал из-за двери пластиковое мусорное ведро. Игорь Валентинович, достал пачку дорогой бумаги, протянул руку к ведру, но, похоже, не мог заставить себя выбросить баснословно дорогие акции.

– А вдруг... – замямлил он, но таможенник резко прервал его:

– Без всяких «вдруг»! Там, – с ударением сказал он – они Вам точно не понадобятся.

Игорь Валентинович разжал пальцы, я казалось, слышу жадный скрип его непослушных суставов. Тем не менее, пачка бумаги благополучно шлепнулась в корзину. Старик сел поближе к окошку и нарочито внимательно стал смотреть на летний пейзаж за окном. Таможенник улыбнулся, но уже искренне, радостно:

– Игорь Валентинович, это только мешало бы Вам. Радуйтесь, что избавились от этого груза. – старик промолчал.

Таможенник посмотрел на меня, с огромным трудом, я выдержал его взгляд, даже мыслью не выдавая, что везу контрабанду, потому что мысль это первое что учует этот слу-

га закона. Двухметровый страж порядка сверлил меня взглядом, очень надеюсь что Там, таких не будет. Он тяжело, прямо, тягостно вздохнул:

– Павел, а Вы ничего не хотите сдать?

– Нет, у меня нечего сдавать. – я старался говорить медленно, как будто еще раз внимательно посмотрев мысленным взором на свой багаж, по колючему взгляду таможенника я понял что он разгадал мою ложь.

– Ладно, подумайте еще, а пока... – таможенник сел на скамейку рядом с девочкой, теперь не приходилось задирать голову, чтобы смотреть ему в лицо. Он взял Елену за руку, женщина, было, отдернула руку, но смутилась и позволила ему коснуться своей кожи. – Лена, посмотри мне в глаза, пожалуйста. – попросил он.

Женщина перестала изучать пол и уставилась на таможенника, перед этим скользнув взглядом по купе. Доли секунды, я видел ее взгляд, и мне стало не по себе – столько жгучей, невероятной ненависти было во взгляде этой, спокойной, на первый взгляд, пассажирки. Она смотрела таможеннику в глаза, плеская огнем на него. Но этот огонь не причинял вреда, наоборот, таможенник сидел расслабившись, как будто пришел к близкому человеку в гости на чашку чая. Елена не выдержала и отвела взгляд.

– Не надо прятать, смотри еще. – таможенник был само очарование и любезность – Я вполне подхожу, для этих глаз, смотри и оставляй здесь все ненужное.

– Нет, – тихо, глубоко пряча отчаяние, ответила она – ты не такой, тебя нельзя ненавидеть, ты хороший...

– И он хороший, только запутался. – Эти не совсем понятные слова преобразили женщину, она вскочила, стала озираться, ища чтобы такое швырнуть, в купе было пусто и она выместила злость на двери в купе, ударив сильно, по-мужски, рассадив до крови кулак.

– Он! Он... негодяй, подлец! – женщина ударила еще раз, но на этот раз слишком сильно и вскрикнула от боли. Как ни странно, но боль ее успокоила, а не привела в еще большую ярость. Елена села на место. Она не плакала, но ненависть из нее куда-то исчезла. – Я забуду все это? – спросила она.

– Не совсем точно, скорее это просто не будет тебя беспокоить, устраивает тебя такой вариант?

Она кивнула, и довольный таможенник повернулся ко мне. Я запаниковал, пронести не удастся, что же делать?

– Отдавать. – без труда прочитал он мои мысли – Там, тебе это ненужно, это только здесь ценно, Там другие ценности. Отдаешь?

Отдать? Самое ценное, что было у меня в жизни? Нет, надо что-то придумать и быстро... должна же быть какая-то лазейка.... Эту ценность, я не отдам, никогда. Таможенник доброжелательно смотрел на меня, в глотку бы ему засунуть его доброжелательность. Нет лазейки. Значит надо идти напролом.

– Мне нечего отдавать!

– Ой, ли? А если подумать?

– Я все сказал. – меня наполняла отчаянная храбрость, наверное из-за такой храбрости люди хохочут на эшафоте, смеясь над палачами и толпой. – Мне нечего тебе отдавать.

– А это что? – чуть не игриво спросил таможенник и взмахнул рукой. Моя рубашка сама собой распахнулась, и на груди засверкал крупный алмаз.

– Не отдам! – я слышал в своем голосе, предательские нотки страха и вцепился в алмаз рукой. – Мое!

– Да зачем это тебе Там? – впервые я увидел на лице таможенника настоящую человеческую эмоцию, раздражение – что ты будешь с этим делать Там? Отдай по-хорошему.

Опасаясь что голос подведет, я молча помотал головой. Шиш ему, а не мою драгоценность! Таможенник пожал плечами и пошел звать начальника. Драгоценность не попытались отобрать силой, меня опять попросили, я опять отказался, и меня сняли с поезда, пассажиры шептались, глядя на меня в сопровождении двух таможенников.

Меня ввели в аккуратное, маленькое здание таможни. Внутри не было перегородок, одна большая комната, у дальней стены стояли офисные стеллажи и дубовый письменный стол. За столом сидела моложавая женщина с чуть тронутыми сединой висками. Она перебирала какие-то бумаги. Солнечный свет отражался в ее модных очках, хотя я точно знал, что очки бутафория, ей они ни к чему. Таможенники завели меня в комнату, и ушли по своим делам, к станции подхо-

дил очередной поезд. Я стоял перед столом и сжимал в ладони теплый камень. Женщина делала вид, что не замечает меня, и это тоже было частью спектакля. Я ухмыльнулся, по крайней мере, методы работы у них не сильно отличались от привычных. Женщина заговорила, сухим, но приятным голосом:

– Зря Вы улыбаетесь, Павел Гриднев! Ваше положение очень серьезно. – она посмотрела на меня по верх очков – Вы сознательно нарушили таможенные правила, а это серьезный проступок.

Я молчал, да и что я мог сказать? Меня несло, я уже решил идти до конца и нотации начальника таможни, меня мало волновали. Я мог только улыбаться и делать вид, что мне море по колено. Страх шевелился внутри меня, но моя драгоценность стоила того, чтобы бороться за нее.

– Согласно правилам, я обязана доложить вышестоящему руководству, о Вашем возмутительном поведении. – я улыбнулся уже по настоящему, можно подумать главное руководство не в курсе. Главное руководство всегда в курсе всего. На то оно и главное. Видя, что угрозы на меня не действуют, начальница решила сменить тактику, перейти от кнутов к пряникам – Но я могу не доводить дело официальной жалобы, разумеется, если Вы сейчас же отдадите контрабанду.

– Так почему же вы силой не заберете? – спросил я.

– Нельзя, инструкция! Так что отдаете?

– Нет. Это, я Вам не отдам, ни при каких обстоятельствах

– в голове лихорадочно проносились слишком яркие картинки, тех наказаний, что я могу схлопотать, за неповиновение, видно, она постаралась. – Ни за что!

– Ладно. – начальница сумела совместить в голосе раздражение и абсолютное равнодушие – Тогда пойдем законным путем.

Я пожал плечами, законным, так законным. Будь что будет! Алмаз грел мне руку и сердце. Начальница достала из стола бланк и стала его заполнять. Минуты текли тоскливо, только шорох бумаги нарушал тишину. В голове творился бедлам, что если они правы и эта ценность, всего лишь хлам Там? Нет, не хлам, ради этого можно даже с местной таможней поспорить. Даже с главным руководством! А пишет она нарочно долго, специально, чтобы в душу закрались сомнения.

Разгадка намерений начальницы таможни принесла мне облегчение. Что будет, то будет. Главное ценность со мной и никто не отберет ее у меня. Пусть дурак, пусть это безумие, пытаться протащить контрабанду Туда. Но я никогда не расстанусь с этой ценностью. Плевать. Женщина отложила ручку и еще раз пробежалась взглядом по бумаге, затем зачитала вслух:

– Я, Гриднев Павел Николаевич, родился двенадцатого декабря одна тысяча девятьсот восьмидесятого года, умер шестого марта две тысячи одиннадцатого. Отказываюсь подчиниться требованиям таможни и сдать неразрешенную цен-

ность (земную любовь к Конавалец Лидии Петровне, одна тысяча девятьсот семьдесят восьмого года рождения). Чем нарушаю заповедь номер триста восемь, дробь три. О последствиях греха предупрежден. Претензий к действиям таможни не имею. – начальница протянула мне авторучку и заявление – Распишись и поставь дату.

Я, молча, расписался, начальница положила заявление в папку и снова посмотрела на меня:

– Можно тебе вопрос задать, так сказать, без протокола? – спросила она, я кивнул. – Чего ты так в эту любовь вцепился? Ну, пройдет лет пятьдесят, и любите друг друга Божьей любовью на небесах, сколько влезет? А ты против воли Бога идешь.

– Ты никогда не имела этого – ухмыльнулся я – иначе бы не спрашивала.

– Мне иногда кажется, что у вас, людей, напрочь отсутствует инстинкт самосохранения. – моя наглость не разозлила ее, скорее позабавила – Хотя именно такими поступками вы мне и нравитесь. Ладно, тебе пора.

– В ад? – не могу сказать, что такая перспектива меня обрадовала, но, к счастью, от меня уже ничего не зависело, выбор сделан.

– Скажу тебе по секрету, – начальница хихикнула как девочка – котлы, сковороды и прочий антураж, это плод нездоровой фантазии некоторых твоих собратьев.

– Тогда ку... – я не успел закончить вопрос, в глазах по-

мутилось и рев сирены резанул по ушам.

Грудь нестерпимо болела и нога, в ногу как будто воткнули тысячу рыболовных крючков и методично сдирали кожу. Я открыл глаза, на фоне синего неба растрепанная и измазанная кровью Лида, казалась чудесным видением. Угол обзора был странным, потом я догадался, что она держит мою голову на коленях, а я сам лежу на асфальте. Бледная она повторяла раз за разом:

– Пашка, только не умирай, они уже едут, ты держись!

– Нормально... – я хотел сказать это бодрым голосом, но получился едва слышный сип, видно все было далеко не нормально. Главное что она услышала меня – Все нормально будет... алмазная моя....

Матвей.

Матвей вышел из душного, пропитанного перегаром и табачным дымом, вагончика, продышаться. Мороз резанул по лицу и обжег легкие. Хмель, будто испугавшись, убежал. Голова стала ясной, как черное зимнее небо.

За спиной послышался пьяный мат. Двое других лесников обиделись, что он не закрыл дверь. Матвей хотел было гаркнуть в ответ, но не хотел нарушать тишину. Наконец дверь захлопнулась и звуки пьянки не разбавляли еле слышный звон морозного леса.

Из-за пушистых от снега елок, показалась полная луна. Мрачный лес преобразился, став загадочным и прекрасным,

как будто кто-то обронил на него сверху белоснежный мех и миллиарды алмазов. Матвей уже и забыл когда он думал такими категориями. Чаще в голове крутились «бабки», «нах» и «вина пожрать».

На какое-то время он замер, как будто колеблясь между двумя мирами, хотя чего ожидать нового? Ну постоит, потом испортит невероятно чистый снег и вернется. Завтра снова за рычаги лесокомбайна, масло, пот и мат, а вечером вонючая дешевая водка. Но хотелось еще чего-то. Малого и великого одновременно. По щеке Матвея покатилась слеза, тут же замерзнув в бороде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.